

Е.С. Хило

Томский государственный университет

**Жизнетворчество как основа межкультурного диалога:
П. Целан – переводчик поэзии С.А. Есенина**

Аннотация: Категория жизнетворчества, возникшая в эпоху модерна, наиболее ярко проявила себя в постмодерне. П. Целан, переживший ряд судьбоносных потрясений, нашел в творчестве С.А. Есенина основу для диалога, который воплотился в переводах. Главной темой этого диалога стала тема Родины, реализованная в элегическом ключе с сохранением оригинальной поэтики П. Целана. Данная статья посвящена выявлению особенностей жизнетворчества П. Целана и С.А. Есенина и их отражению в лирике русского поэта и немецкоязычных переводах.

The category of the life creativity which has arisen in the epoch of a modernist style, showed its worth most brightly in postmodernism. P. Celan who has endured a number of crucial shocks, found in the works by S.A. Yesenin a basis for a dialogue, which was embodied in his translations of S. A. Yesenin's works. The subject of the Homeland realized in an elegiac vein with the preservation of P. Celan's original poetics became the main subject of this dialogue. The present paper is devoted to revealing the peculiarities the life creativity of both P. Celan and S. Yesenin and to their reflection in the lyrics of the Russian poet and in P. Celan's German translations.

Ключевые слова: Жизнетворчество, П. Целан, С.А. Есенин, перевод.

Life creativity, P. Celan, S. Yesenin, translation.

УДК: 82-1/29

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ, филологический факультет. E-mail: ekaterinahilo@mail.ru.

Категории жизнетворчества и житнетекста впервые заявляют о себе в романтизме. Достаточно вспомнить манифестарные строки В.А. Жуковского: «Жизнь и поэзия – одно» («Я музу юную, бывало...», 1824) и К.Н. Батюшкова: «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь» [Батюшков, 1934, с. 342]. Как в российском, так и в зарубежном литературоведении категория жизнетворчества всегда являлась объектом пристального внимания ученых. В отношении наследия В.А. Жуковского категория жизнетворчества выступает в качестве конститутивной в работах авторитетных жуковсковедов. Так, О.Б. Лебедева на основе анализа принципов романтического жизнетворчества в дневниках Жуковского приходит к выводу, что дневники поэта от 1804 до 1847 г. являются документом того «нравственного периода развития русского общества» (В.Г. Белинский), когда человек осознал себя современником своей исторической эпохи и в себе, своей личности и частности, в своем локальном фрагментарном бытии увидел отблеск большого исторического времени и универсальной общечеловечности [Лебедева, 2004, с. 442].

С приходом эпохи постмодерна постепенно изменяется и научный аппарат исследований, чтобы быть адекватным объекту научного осмысления. В частности, для обозначения неотделимости биографии и творчества вводится

понятие «текста жизни», продуктивное при рассмотрении наследия и биографии поэтов XX в. З.Г. Минц в работе «Понятие текста и символистская эстетика» объясняет, что во взглядах и творчестве русских символистов представления о природе художественного текста занимают особое место: реальности приписываются свойства художественного текста, Универсальный Текст реализуется в «текстах жизни» и в «текстах искусства» [Минц, 1974, с. 137]. В 1998 г. тема жизнетворчества была монографически обработана в работах немецких исследователей, касающихся творчества А. Шапова, Л. Кобылинского, В. Розанова, Н. Гумилева, А. Ахматовой и др. Ш. Шаадат (Schama Schahadat), например, в статье «Das Leben zur Kunst machen» отмечает, что путь «жизнетворцев» позволяет рассматривать жизнь художника как произведение, но при этом важно, что весь антураж не заменяет живость существования [Schahadat, 1998, с. 15]. Категория жизнетекста Есенина стала объектом диссертационного исследования Е.А. Самоделовой. Под «жизнетекстом» писателя исследовательница понимает творимую им биографию, выставленную на обозрение публики в качестве художественного произведения особого рода, находящегося на пересечении множества культурных традиций [Самоделова, 2008, с. 18].

Мы будем апеллировать категорией жизнетворчества, так как понятие текста с приобретением тотальности в его современном значении теряет свою четкость и предполагает принципиальную многоаспектность, нам же важно подчеркнуть потенциал исследования творческого диалога поэтов сквозь призму их биографии.

С.А. Есенин определенно принадлежит к тому ряду поэтов, у которых, говоря словами Д.С. Мережковского, «произведения так сплетены с личностью автора, что невозможно отделить одно от другого» [Мережковский, 1995, с. 5]. Тот факт, что его биография и творчество организованы общей «максимальной идеей» (В.Н. Топоров), обуславливает правомерность постановки вопроса о цельно-едином пространстве жизнетворчества поэта.

Восприятие есенинской поэзии сквозь призму его жизнетворческих стратегий имеет уникальный прецедент, выразившийся в немецких переводах самобытнейшего поэта П. Целана, которые определили характер рецепции Есенина в Германии в целом. Художественный перевод является наиболее наглядным проявлением взаимодействия литератур, так как его сущность заключается в том, что «будучи продуктом межлитературной коммуникации, он в то же время во многом обуславливает и определяет саму межлитературную коммуникацию» [Дюришин, 1993, с. 28]. В связи с этим переводы П. Целана из С.А. Есенина рассматриваются нами как форма воплощения творческого межкультурного диалога, выстроенного на суггестивных категориях жизнетворчества.

Поэзию Целана отличает герметизм, оригинальная мифопоэтика, замкнутость образов, сложность и индивидуальный характер ассоциаций, синтаксиса и словаря, системность модернистского мировоззрения. «Слово у Целана живет самостоятельной жизнью и часто является не только материалом, но и героем стихотворения» [Электронная еврейская энциклопедия]. По типу поэтического синтаксиса Целан далек от Есенина, однако внутренне созвучным переводчику оказалась поэтическая семантика Есенина, его имажы, повлиявшие на формирование индивидуальной художественной системы немецкого поэта.

Основные категории жизнетворческого пространства П. Целана сложились из его непростой судьбы: иудейство, Холокост, потеря родителей, экзистенциальное одиночество в Париже, гонения, маргинальность по отношению к современной немецкой и французской поэзии XX в. – все это определило центральные темы и характер поэтики Целана. Неслучайно он обратился к русским авторам. На необходимость рассмотрения переводов Целана из русской поэзии в контексте его собственного жизнетворчества было указано Н.Е. Никоновой [Никонова, 2003, с. 137–158], однако дальнейшего развития программная мысль исследователя не

получила. С Мандельштамом Целана связывала принадлежность к нации с особой судьбой и близость поэтических тем: критика антисемитизма и деспотизма. Сквозь призму оригинального и переводного творчества Целана выстраивается его индивидуальное понимание патриотической темы: он всегда находился в поисках Родины, соотнося ее образ с главным иудейским мифом Земли Обетованной. В Есенине Целана привлекал образ русского поэта, воспевающего Родину. Кроме этого, в судьбах двух поэтов мы находим сходные биографические сюжеты – самовольный уход из жизни: С.А. Есенин повесился в номере гостиницы «Англетер» в 1925 г., П. Целан был найден в реке Сена в 1970 г. Многие обстоятельства и главным образом причины самоубийства обоих поэтов до сих пор остаются непонятны и невыяснены.

В содержательном плане П. Целана в стихотворениях Есенина интересует в первую очередь тема Родины. Рязанские пейзажи, деревенский быт, родной дом – все это находит свое выражение в лирике С.А. Есенина и ярко отражается в немецких переводах Целана. Есенин пытался выразить связь поэзии с естественной образностью русского языка, что нашло свое отражение в имажинизме. Образ как прием художественного творчества близок оригинальному кредо Целана-поэта, выпустившего свой первый поэтический сборник уже после знакомства с есенинскими стихами. К тому же его оригинальную поэзию отличает языко-творчество и гиперметафоричность, что сближает двух поэтов в формальном аспекте. Примеры из переводов П. Целана и оригиналов С.А. Есенина подтверждают данную мысль: «бег светил» – «Jahr und Zeit» (год и время), «В две луны зажгу над бездной // Незакатные глаза» – «Sterne, zwei, tief in der Stille, // die nicht untergehn» (звезды, две, глубоко в тишине, которые не зайдут).

Обращение Целана к творчеству Есенина можно условно разделить на два этапа: знакомство с ним и первые переводы появились по разным данным либо в 1940–1941 гг. (Л. Найдич), либо в 1943 г. (К. Иванович). Эту фазу обрамляют 1957–1958 гг., когда были созданы поздние переводы, и когда началась подготовка сборника избранных произведений русского поэта. «Второй период интенсивного чтения Целаном книг по «есенинской тематике» укладывается в промежуток времени с 1957 г. по февраль 1963 г.» [Иванович, 2004, с. 276]. В это время Целан не переводил, а просто читал поэзию Есенина.

Творческий диалог Целана с русским автором реализовывался в избирательном подходе к материалу для перевода. Из богатого творческого наследия Есенина Целан выбрал стихотворения и поэмы, несущие в себе определенную степень элегичности и это неслучайно, так как элегия как жанр и мировоззрение доминирует в оригинальном творчестве обоих поэтов. Для Целана элегия является своеобразным прощанием с теми, кто ушел, и предвестием собственного ухода. Элегия Есенина с характерной задумчивой грустью берет свои истоки в русской литературной традиции (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский и др.). Именно в элегическом ключе Есениным и Целаном реализуются темы Родины и России, представленные в четырнадцати переводах («В том краю, где желтая крапива», «Устал я жить в родном краю», «Запели тесные дроги», «Не напрасно дули ветры», «О край дождей и непогоды», «О пашни, пашни, пашни», «Инония», «Я покинул родимый дом», «Кобыльи корабли», «Да! Теперь решено. Без возврата», «Баллада о двадцати шести», «В Хороссане есть такие двери», «Вижу сон. Дорога черная», «Гори, звезда моя, не падай»). Всего же в интерпретации Целана представлено тридцать одно произведение Есенина: двадцать восемь стихотворений и три «маленьких» поэмы, написанные с 1910 г. по 1925 г.

Образ реально существующей есенинской Родины в переводах Целана во многом теряет свою «осязаемость», становится более размытым, это находит свое выражение, например, в неологизмах (пространство «Без Родины» расширяется до бесконечности: «im Heimatlosen» (дословно: там, где нет Родины) и «im Irgendwo» (в «где-то») в переводе стихотворения «Устал я жить в родном краю»).

Семантику бесконечности нагнетает существительное «die Weite» (даль), в сочетании с эпитетом «endlos großen» (бесконечно большой). Неологизмы и словосочетания, подобные *endlos großen, im Heimatlosen, im Irgendwo*, являются типичными для оригинальной поэтики Целана. В переводе стихотворения «Гори, звезда моя, не падай...» приставки *da-* и *zu-*, обозначающие направление «там», «туда», «к», «на», при наименовании Родины отдаляют есенинские места (отчий край – *Daheim*, отчий дом – *Zuhause*, родину и землю – *die Welt*). Целановская Родина теряет свое конкретное местоположение, ее границы размываются, что еще раз подчеркивает «бездомность» и стремление лирического героя найти Родину.

Сложные есенинские метафоры Целан передает, сохраняя общий смысл, но используя отличное от оригинала языковое воплощение, например, «белые кудри дня» – «*Tag, wie dein Licht sich lockt*» (день, который завивает твой свет), «наточит нож за голенище» – «*ich seh am Stiefelschaft dich's Messer wetzen*» (я вижу, как ты за голенищем точишь нож). Метафора в переводе получает, как правило, более сложную структуру и приобретает субъектно-объектные отношения, которые отсутствуют в оригинале. Есенинский ровный стиль повествования Целан нередко трансформирует в незаконченные, неполные, часто эллипсные конструкции за счет диалогичности, достигающейся введением многочисленных обращений, местоимений, вопросительных и восклицательных предложений, герметичности и обрывочности повествования.

Анализ переводов Целана из Есенина демонстрирует высокую степень профессионализма немецкого поэта-переводчика и в то же время раскрывает взаимодействие его переводческой стратегии с поэтическими координатами оригинального творчества, так как в переводе неизбежны смысловые сдвиги внутри текста, обуславливающие трансформацию картины мира произведения. Картину мира в творчестве Целана отличает чувство катастрофичности и трагедийности. В связи с этим в его переводах более трагичным предстает и образ Родины. В частности мотив экзистенциального одиночества выражается в расширении в переводах на семантическом уровне пространства «без родины» за счет использования приема субстантивации (например, *das «Heimatlose», das «Irgendwo»*), а также за счет постоянного добавления местоимений *я, мой, мне и ты, твой, тебе, отсутствия* какой-либо соборности, русской народности, содержащейся в подтексте есенинской образности, например, «И я знаю, есть радость в нем // Тем, кто листья целует дождь, // Оттого что тот старый клен // Головой на меня похож» – «*Voller Regen hängt dein Schopf; // küßt ihn wer – du wirst nicht weinen! // Ach, ich weiß es ja: mein Kopf, // er hat etwas von dem deinen*» (Полный дождь подвешивает твою шевелюру; // кто целует ее – ты не будешь плакать! // Ах, я знаю это: моя голова, // имеет кое-что от твоей). Общую стратегию Целана как переводчика есенинской поэзии можно охарактеризовать как резонансное восприятие инациональной культуры и литературы, когда рецепция в значительной степени отражает особенности поэтики и эстетики поэта-переводчика.

Литература

Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии // Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л., 1934. С. 340–348.

Дюришин Д. Проблемы особых межлитературных общностей. М., 1993. С. 9–63.

Лебедева О.Б. Принципы романтического житнетворчества в дневниках В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. С. 420–442.

Материалы, исследования, воспоминания. М., 2004. Т. 1: Пауль Целан.

Мережковский Д.С. В.В. Розанов // Pro et Contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1995. Кн. I.

Мицц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Мат. Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1974. Т. 1. № 5. С. 134–142.

Никонова Н.Е. Пауль Целан в русских переводах и как переводчик русской поэзии // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы. Томск, 2006. С. 137–158.

Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/14604> (дата обращения: 09.07.2013).

Schahadat Sch. Das Leben zur Kunst machen // Lebenskunst – Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII – XX вв. München, 1998. С. 15–48.